

Н.Л. БЛИЦ
(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)

УДК 821.161.1.09(Ремизов)
ББК Ш15(2Рос=Рус)6-4

МЕТАЛИТЕРАТУРНЫЙ МИФ А.М. РЕМИЗОВА О ГОГОЛЕ И ГОГОЛИАНА НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: В статье реконструируется новая контекстуальная призма видения образа Гоголя, рожденная творческой интуицией Ремизова, на фоне общеэмигрантского литературного представления о классике.

Ключевые слова: звукосемантика, мифопоэтика, реминисцентный фон, паронимическая аттракция, феноменологическая рефлексия.

Н.В. Гоголь обладал особым художественно-эстетическим статусом для А.М. Ремизова и провоцировал на авторскую эксклюзивную интерпретацию тайны судьбы и творчества. Разыгрывая гоголевские сюжеты в современных декорациях и лицах, Ремизов, вопреки представлению о разработанности в литературоведении гоголевской темы, испытывал постоянный исследовательский интерес. *«Гоголь – современнейший писатель – Гоголь! К нему обращена душа новой возникшей русской литературы по слову и по глазу»*¹, – напишет Ремизов в начале своей эмигрантской жизни, подспудно апеллируя к римскому периоду в судьбе Гоголя.

Цикл о Гоголе, работа над которым стала многолетним творческим подвижничеством, вошел в состав книги «Огонь вещей. Сны и предсонье». По легенде, Ремизов стремился закончить книгу к столетней годовщине гоголевской кончины². Помимо гоголевского цикла сюда были включены главы, посвященные Достоевскому, Пушкину, Тургеневу и Лермонтову, опубликованные ранее в эмигрантских журналах³. Эссе о

---

¹ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак. – М.: Русская книга, 2002. С. 332.

² В письме к своей многолетней корреспондентке, ученице и меценатке Н. Кодрянской Ремизов сообщает: «И начал круговое построение “Мертвых душ”: круг Ноздрева. Надо закончить к февралю 1952 г. (сто лет со смерти Гоголя)» [2, с. 185-186]. Уже совсем плохо выходящий, тяжело больной Ремизов упорно работал над главами «Мертвых душ», реконструируя их графически и словесно на свой лад: «Успею ли кончить к 22 февралю с/с – иду медленно упорно, рисую с подписями», – пишет он в ноябре 1951 года. И все-таки Ремизов успевает к концу февраля 1952 года: «Сегодня широкая Масленица. Закончил Гоголя» [Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 239-241].

³ История создания книги «Огонь вещей» подробно исследована Е. Обатниной. См.: Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А.М. Ремизова как опыт художественной герменевтики) // Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье / Сост.,

Гоголе также печатались в эмигрантской периодике, а отдельные фрагменты были включены в книги «Учитель музыки» и «Иверень» (Ремизов активно работал над ними в последние годы жизни).

Восприятые Ремизовым однажды гоголевские темы не исчезали, а многократно преломлялись, видоизменялись и снова повторялись, поэтому проследить стилиевые метаморфозы Ремизова возможно только в синхроническом диапазоне, рассматривая все написанное писателем о Гоголе как единый текст. Г. Адамович не без основания заметил, что «К Гоголю у Ремизова отношение особое, и не только к языку его. Ни о ком другом не говорит он с таким восхищением и даже трепетом: «гений», «магия», «оркестр» – эти слова у него сбережены для Гоголя, без единой отрицательной оговорки. Нет сомнения, что величайшее явление нашей литературы для Ремизова – именно Гоголь»⁴.

Ремизовский миф о Гоголе – один из главных в литературоведческих рассуждениях писателя. Он звучит диссонансом утвердившемуся прежде взгляду на писателя: мифотворец Ремизов испытывал ревностное отношение ко всем, кто что-либо писал о Гоголе. Его суждения о Гоголе – это конспиративная форма **авторефлексии**: постигая «тайну Гоголя», Ремизов обнажает альковы собственных мотиваций, соответственно, его комментарии к Гоголю являются по сути «подпольными» автокомментариями. Он считал себя законным наследником Гоголя, указывая на глубинное, невербальное общение с классиком, находя в его судьбе и творчестве свои отражения и отождествляясь с его героями. В эссе-некрологе о В. Розанове «Выхожу один я на дорогу...» Ремизов обращается к философу с упреком: «*Розанов, отвернувшийся от Гоголя, проглядевший и подземную тайну «Вия», и райскую тайну «Старосветских помещиков», и тайну слова Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, и тайну наваждения «Вечеров», «Ревизора», «Мертвых души», а возненавидевший за то, что Гоголь не женился – «в утробе матери скопцом зарожден!» – ничего не нашел другого, как отплеваться ...*»⁵. Эта реакция связана с рядом публицистических идей, высказанных философом в юбилейных статьях («Загадки Гоголя» (1909) «Гений формы» (1909). «Магическая страница у Гоголя» (1909)). Стремясь к реинтерпретации Гоголя, Ремизов наводит идейно-интонационные мосты с Розановым. В цикле эссе о Гоголе Ремизов будто отвечает философу, «проглядевшему» гоголевские тайны и не открывшему суггестивные возможности гоголевского слова. В резюмированном виде ремизовские «ответы» выглядят следующим обра-

---

подгот. текста, вступит. Статья и коммент. Е.Р. Обатниной. – СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 368 с.

⁴ Адамович Г. Одиночество и Свобода: литературно-критические статьи. – СПб.: Logos, 1993. С. 101.

⁵ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буюрак. С. 316.

зом: «*подземная тайна «Вия»* скрыта в «глубинной глубине» украинской песни; «*райская тайна*» «Старосветских помещиков» заключена в том, что в повести «*дано в математически-чистом виде блаженное райское состояние человека, освобожденного от мысли и желаний*»⁶; а «*тайна слова*» Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича открывается в том, что обидное слово, ставшее причиной ссоры, – травестированная эмблема самого автора.

В ремизовском символистском мифе Гоголь предстает родившимся «*отмеченным*», «*с сердцем угольно-черным, черствым, пустынным*»⁷, он ищет света любви человека к человеку, а «*когда свет этой любви погаснет в его сердце*», – пишет Ремизов, – «*он принесет себя в жертву, заморит голодом, и я верю, вернет этот свет*»⁸. По мысли Ремизова «*подвиг самосожжения ничтожен перед голодной смертью*»⁹. Рассуждения Ремизова о жизнетворческом суициде Гоголя конгениальны идеям К.В. Мочульского, который был автором одной из самых известных эмигрантских книг о Гоголе «Духовный путь Гоголя». В этом исследовании Гоголь предстает как человек, родившийся «*с чувством космического ужаса и видевший вполне реально вмешательство демонических сил в жизнь человека, воспринимавший мир (под знаком смерти), боровшийся с дьяволом до последнего дыхания, – этот же человек сгорал страшной жаждой совершенства и неутомимой тоской по Богу*»¹⁰. Безусловно, оба – и ученый и писатель – находились под влиянием общеэмигрантского дискурса «мифа» о стремлении Гоголя к внутреннему совершенству, о роковой предопределенности его смерти.

Используя матрицу страдающего художника, Ремизов раскрашивает свой миф сюжетами о «бесноватом» и «лунном» Гоголе-сновидце, дополняя и развивая мысли А. Бема о роли вытесненных желаний и сновидений в творческом процессе¹¹ и Н. Осипова¹² о том, что многие яркие картины в произведениях Гоголя связаны с проявлением тяжелых форм душевной болезни¹³. Уподобление творчества безумию, а

---

⁶ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 92.

⁷ Там же. С. 109.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. – Paris: YMCA-Press, 1976. С. 48.

¹¹ Бем А. Достоевский. Психоаналитические этюды. – Прага, 1938.

¹² Осипов Н. Странное у Гоголя и Достоевского. – Прага, 1927.

¹³ Психиатр В. Чиж создал патографию Гоголя и установил, что тот страдал черной меланхолией. Все подробности описания свидетельствуют о том, что Гоголь страдал от нервной анорексии. См.: Чиж В.Д. Болезнь Гоголя (1904) // Болезнь Гоголя. Записки психиатра. – М., 2001; Чиж В.Ф. Плюшкин как тип старческого слабоумия // Врачебная газета. 1902. № 10. С. 217-220.

безумия творчеству – устойчивая метафора в модернизме, а для Ремизова-символиста – важнейший смысловой комплекс. Называя Гоголя и Блока «лунными братьями», Ремизов подчеркивал, тем самым, что в обоих живет поэтический огонь, питаемый мистическими, иррациональными силами, а также намекал на похожесть судеб – сумасшествие и мученическую смерть почти в одном и том же возрасте.

С самого начала Ремизов идет на нарочито открытые биографические сближения с Гоголем и использует различные формы металитературной мимикрии. В его творчестве не мог сформироваться укорененный в акмеистской эстетике величественный петербургский текст. Образ имперского города не связан также и с высоким пушкинско-блоковским контекстом. У Ремизова возник именно гоголевский демонически окрашенный Петербург. Сборник «Бедовая доля» (1909) опутан паутиной снов гоголевских героев, повести о бедных чиновниках Стратилатове («Неумный бубен», 1909), Маракулине («Крестовые сестры», 1911), Боброве («Пятая язва» 1912) полны гоголевских реминисценций. История литературной судьбы писателя воспроизводит хрестоматийные мотивы страданий и унижений бедностью маленького человека и тему фантастического бесовского города. Своеобразным ответом Ремизова на петербургское «гостеприимство» явилась изданная уже посмертно книга «Петербургский буерак», своей тайной символикой обращенная к экстралитературным явлениям. *В этой книге в образах «бесов»* выведены представители литературно-художественной и театральной богемы Петербурга, а сам автор в этих бесовских кругах *«без грима и маски разыгрывал сумасшедшего»*¹⁴. Однако если в гоголевских текстах в качестве демонически окрашенных персонажей выступали «жиды», «бабы», «москали», чиновники, то ремизовская демонология связана с жизнетворческой мистификацией, обусловленной семиотикой оценок театрально-художественного Петербурга.

«Хвостики» – так, ссылаясь на определение самого Гоголя, называет Ремизов восемь новелл из «Вечеров...». Как известно, Гоголь был предельно внимателен к мельчайшим деталям нарративной выразительности и активно использовал мотив хвоста в художественных текстах¹⁵ для указания на бесовский или тайный эротический подтекст.

---

¹⁴ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак. С. 251.

¹⁵ Гоголь охотно «цеплял» хвосты своим образам. В «Ночи перед Рождеством» черт, укравший месяц, носил «хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды». В «Сорочинской ярмарке» появится чертова баба, которая «сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета». В дальнейшем мотив хвоста становится гоголевской визитной карточкой. В «Повести о том, как поспорились...» он сообщает, что «Иван Никифорович родился с хвостом назад»,

Ремизов с каламбурной тонкостью реализовывал оба значения гоголевских подтекстов: «Когда я рисую картинки, я всегда должен где-нибудь сбоку нарисовать два хвоста, похожих на плетки, один покороче, другой подлиннее и с неизменной надписью: “et personne n’y comprend rien”, “никто ничего не понимает и никому невдомек”»¹⁶. Многие рисунки из альбомов Ремизова, посвященных Гоголю, свидетельствуют о том, что семиотика хвоста связана со скрытым эстетически сублимированным эротическим планом. Однако если у Гоголя этот план был исключительно метафизическим, то у Ремизова – вполне физическим. Например, на рисунке за подписью «Смазливая нянька. Жеребец» из альбома «Ноздрев»¹⁷ в привычном ракурсе мы видим обнаженную ведьму, скачущую не то на метле, не то на лошади, однако при изменении расстояния возникают очертания гипертрофированных мужских гениталий. В литературной игре в «ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ» традиция рисования символических знаков-хвостов на обезьяньих грамотах, на наш взгляд, коннотативно связана с тайной гоголевской символикой.

В металитературном мифе Ремизова Гоголь – мастер перевоплощений: он то «рожоный» (колдун), то «вывороченный черт», изгнанный из пекла и «сжигаемый мечтой воплотиться»¹⁸. Образ демонического Гоголя составлен из мозаичных деталей, принадлежащим его же собственным персонажам, – например, Басаврюку и Чичикову: «Я узнаю его по отблеску «красной свитки»: на нем брусничный с искрой фрак, на шее радужная вязаная косынка <...> серебряная с финифтью табакерка, на руках перчатки, – чувствительные щупы, <...> На ногах сафьяновые сапоги – Торжок: резная вкладка всяких цветов»¹⁹. Интересно, что в белой рукописи, представляющей раннюю редакцию эссе «Сердечная пустыня», Ремизов изображает Гоголя безвкусным провинциальным щеголем: «А наряжен пестро – бланжевые нанковые штаны и голубой небесного цвета короткий жилет, или коричневый фрак на красной подкладке, фалды держит отвороченными» (Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Амхерст – Центр Русской культуры)²⁰. По свидетельствам биографов и современников Гоголя, писатель любил коллекционировать яркие шейные платки и сапоги. Черты щегольства, яркие цвета модного гардероба и драгоцен-

---

однако позже опровергает себя, объясняя, что, как «известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост, которые, впрочем, принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому».

¹⁶ Мережковский Д. Гоголь и черт. – СПб., 1906. С. 7.

¹⁷ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. XXVI.

¹⁸ Там же. С. 91.

¹⁹ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 133.

²⁰ Там же. С. LXVI.

ные аксессуары указывают на традиционные признаки литературного черта.

Развивая миф о Гоголе – «вывороченном черте», Ремизов, безусловно, помнил об исследовании Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» (1906). По мысли философа, Гоголь – это «угрюмый монах, пророчествующий о «бестелесных видениях», о «загробных страшилищах», а бесовское в писателе – это «столь особенное, столь чуждое нашему христианскому «ложу нескверному», иногда для нас прямо жуткое, «демоническое» сладострастие Гоголя»²¹. Изображая Гоголя искушаемым бесами сладострастия и склонным к автоэротизму монахом, Мережковский, возможно, размышлял и о собственном идейно обусловленном монашестве. Напомню, что образ Мережковского в воспоминаниях Ремизова маркирован атрибутикой футлярного чеховского героя: «На похоронах Мережковского, стоя за гробом, я понял, что в жизни он был ходячим гробом»²².

Свою легенду о Гоголе-«вывороченном черте» Ремизов, в отличие от Мережковского, строит не на антиномии греховности – покаяния, а на психолингвистических особенностях стиля классика. Контекстуальными синонимами, или «шифтерами» слова «черт» у Гоголя являются слова шут, актер, лгун, мошенник, семантически взаимодействующие с мотивами игры. Интересно, что слово «игрец» в русских говорах означает «актер, лицедей, шут, потешник» и одновременно «нечистый или злой дух» или «домовой»²³. Одержимость игрой, нарочитая театральность, страсть к лицедейству и мистификациям – все это суть демонстративные компоненты биографического текста Гоголя, однако в еще большей степени они были присущи самому Ремизову, который оправдывал свои «безобразия» унаследованной от Гоголя «веселостью духа».

Все ремизовские авторефлексии о природе творчества вызывают стойкую ассоциацию с Гоголем. Обусловленной литературными генами считает Ремизов свою склонность к психологическим перепадам настроения: неукротимая «веселость духа» легко сменялась приступами «необъяснимой тоски», или теми гоголевскими состояниями, когда «скучно до петли». «Необъяснимая тоска, о которой говорит Гоголь и есть то состояние, всегда разрешающееся творчеством»²⁴ – так видит Ремизов источник творческого вдохновения. Писатель признавался: «...природные «безобразия», независящие от человеческой воли и никогда не намеренные, не раз выводили меня своим юмором из про-

---

²¹ Мережковский Д. Гоголь и черт. – СПб, 1906. С. 19.

²² Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак. С. 242.

²³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 2003. Т. 1. С. 8.

²⁴ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 107.

пастей и отчаяния. Отсюда моя любовь к Гоголю и вообще к неожиданным происшествиям, где непременно и смех и слезы, отсюда и мое не «по себе» с людьми безулыбыми, расчетливыми и вообще сурьезными»²⁵.

Ремизов выводит следующую формулу гоголевского жизнотворчества: «Гоголь выдумал себе всю свою жизнь и ни одно его признание нельзя принимать за чистую монету»²⁶. В эссе «Миф» он «развинчивает» гоголевский механизм создания легенды о Пушкине как о явлении «чрезвычайном и исключительном». Гоголь, по версии Ремизова, возводил в культ идею исключительной роли Пушкина в его судьбе, «произнося имя Пушкина с гордостью, любовью и восхищением»²⁷ потому, что сам факт знакомства с поэтом повышал гоголевскую литературную репутацию. «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собой!»²⁸, – этим заявлением Гоголь умышленно подкреплял свою легенду. Историю о том, как Гоголь читал Пушкину начало «Мертвых душ» и как лицо поэта, по гоголевскому определению, «охотника до смеха», будто бы становилось все сумрачнее, Ремизов считает литературной мистификацией, сочиненной самим Гоголем. «Боже, как грустна наша Россия!» воскликнул Пушкин голосом тоски», – напишет Ремизов, считая, что «пушкинское восклицание вспоминается Гоголем не из жизни, а из своего сна о Пушкине»²⁹. Ремизов ставит под сомнение и апеллирование Гоголя к Пушкину как к близкому другу, вспоминая, что и биографы свидетельствуют «о сдержанном и даже подозрительном отношении Пушкина к Гоголю»³⁰.

Стержневым мифотворческим сюжетом Ремизова стала легенда о «птичьей» этимологии своей фамилии. Кажется несколько странным, что Ремизов – любитель розыгрышей и мистификаций – настойчиво избегал интерпретационных параллелей своей фамилии с карточным приемом («ремизить» – вводить в заблуждение, «вводить в ремиз» – подсиживать), а настаивал именно на «птичьей» версии, не взирая на буквенные различия. Свою биографическую легенду Ремизов начинает колядкой о «Ремизе-птице», которая сюжетно восходит к словарной статье Даля: «Ремез» – «пташка *Parus pendulinus*, из рода синичек, которая вьет гнездо кошелем; за искусство ее зовут первой пташкой у Бога»³¹. Присутствует в словаре Даля и толкование другого названия

---

²⁵ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М.: Русская книга, 2000. – 704 с. – С. 94.

²⁶ Там же. С. 362.

²⁷ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 105.

²⁸ Там же. С. 106.

²⁹ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 105.

³⁰ Там же. С. 106.

³¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. С. 91.

птицы: Гоголь – «близкий крохалю красивый нырок или утка *Fuligula, круглоклювая*»³².

В поэме «Мертвые души» Гоголь не случайно «проговорился», чем обозначил невротическую реакцию на свою «птичью» фамилию: «*Выражается сильно российский народ и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург и на край света. И как уж потом не хитри и не облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, чисто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица*»³³.

Как известно, у писателя была двойная фамилия Гоголь-Яновский, однако в качестве литературного имени он предпочел первую часть. Возможно, что артистической натуре писателя больше импонировало переносное значение фамилии: «*гоголь – щеголь, фронт, волокита*» и известная поговорка: «*Он гоголем ходит – хватом, фронт, самодовольно, подняв голову*»³⁴. Психолог начала XX века О. Ермаков, с работами которого, судя по многочисленным незакавыченным цитациям, Ремизов был знаком³⁵, проводит интересную параллель: «*Гоголь – показывающий себя гусь-самец, а Чичек – показывающий себя щеголь*»³⁶. Отталкиваясь от рифмы гоголь-щеголь, Ремизов делает довольно смелый вывод об обусловленной фамилией нарциссической сосредоточенности Гоголя. В книге «Учитель музыки» ремизовский герой, оказавшийся под впечатлением орфическо-романтической концепции символистов, приводит поэтическую богумильскую легенду о сотворении тверди земной из горстки песчинок, «*которую гордый лунный Гоголь поднял со дна Моря для солнечного Демидурга*»³⁷, чем частично опровергает предыдущее мнение.

Эмоционально-смысловые доминанты в биографическом тексте Ремизова воспроизводят мотивы орнитологического родства с Гоголем.

---

³² Там же. Т. 1. С. 364.

³³ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. С. 100.

³⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. С. 364.

³⁵ О тотальной близости идей Ремизова положениям работы Ермакова И.Д. «Очерки по психоанализу творчества Н.В. Гоголя» (1915), свидетельствует стилизованная манера фрагмента из белой рукописи эссе Ремизова «Страшная месть»: «Гоголь сопливый мальчишка, текло из ушей, ему давали тычка просто за гнусный вид – за этот висячий нос. Но потом он стал коноводом – за ним ходили, подчиняясь во всем, а случилось это после того, как он стал направо и налево раздавать не подзатыльники, а клеивать обиднее подзатыльников смешные прозвища». [Цит. по: Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. LXXII].

³⁶ Ермаков И.Д. Очерки по психоанализу творчества Н.В. Гоголя (1915). – М.; Пг.: Госиздат, 1924. С. 178.

³⁷ Ремизов А. Учитель музыки / Подг. к печ., вступ. ст. и примеч. Антонеллы д'Амелия. – Paris: La presse libre, 1983. С. 194.

Птичьи фамилии, метафоры, образы в произведениях Гоголя Ремизов воспринимает как знаки авторского присутствия. Это и «птицы-тройки» в «Мертвых душах», и дрозд в клетке у Собакевича, и зачатое слово «гусак» в повести о том, как поссорились закадычные друзья. В портретах Гоголя Ремизов видел исключительно «птичьи» черты: длинный нос, худощавость и малорослость, броские цвета одежды, – считая, что все это связано с сознательной орнитологической мимикрией писателя. Сам Ремизов – создатель богатейшей в русской литературе художественно-орнитологической «коллекции». Это и образ индейского петушка в рассказе «Петушок», и кричащие петухом обезьяны, и легенды о древнеславянских птицах Сирина и Алконосте, и отряд авторских двойников в «Учителе музыки» – журналист Курятников, баснописец Куковников, поэт Полетаев, экономист Птицын, начитавшийся Бердяева Петушков. Ремизов сознательно культивировал собственное птицеподобие, часто используя образ птицы в автошаржах³⁸.

Вспомним, что у обоих художников мир всегда определяется слухом и голосом. Гоголь запечатлен в мемуарах как пересмешник, легко имитирующий интонации, что не ускользнуло от внимания Ремизова: «Обладая необычайной магической силой слова, Гоголь знал и волшебство голоса – звучание слова»³⁹. Сам Ремизов «подбирал слова по слуху», отсюда и параллельные гоголевским собственные ощущения «благодати видения слова», что позволяло раскрывать потенциальные возможности языкотворчества. С точки зрения Ремизова, художественная проза отличается от всякой другой именно ритмом: «*по ритму автора можно узнать точнее, чем по образной системе*»⁴⁰. В металитературных эссе «Огонь вещей» Ремизов подчеркивает, что хотя Гоголь – и «чужого неба» и «чужого лада», однако именно он «так нерушимо зачаровал» его «словом и ритмом»⁴¹. Вот почему Ремизов принял «с восторгом высокопарное Гоголевское слово в серебре польского пышного наряда»⁴².

Ремизов – сторонник «природного русского лада». По его теории, литературный язык в Петровскую эпоху подвергся сильному влиянию европейских языков. Он часто высказывал резкие суждения о писателях, попавших, с его точки зрения, под «латинское» влияние, не избегал этой участи и любимый им Гоголь. «Нерусскость» Гоголя акцентирована эссеистом: неоднократно указывается на стилевое влияние польского барокко, на «польскую витиеватость», о которой в свое вре-

---

³⁸ Письмо Присмановой А.С. // НОР РГБ. Ф.218, к.315, ед. х. 3.; Письма М.О. Гершензону // НОР РГБ. Ф. 746, к. 40, ед. хр. 50.

³⁹ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 40.

⁴⁰ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 221.

⁴¹ Там же. С. 222.

⁴² Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 120.

мя писал в «Слове о витийстве» (1745) К. Тредиаковский. Ремизов иронично замечает, что гоголевские герои – это «*хохлы, переряженные в кацапов*»⁴³, и Гоголь в «Мертвых душах» заставил своего героя перекреститься по православному обычаю только потому, что этим «*думал окончательно переодеть своих хохлов в нас, московских кацапов*»⁴⁴. И несмотря на то, что «сама гоголевская поэма <...> крепко держится на гвоздях русской пословицы», она перевита «*звучными малороссийскими “думками”*»⁴⁵. В «Мертвых душах» он слышит «*серебряные трубы киевской словесной выспри ...*»⁴⁶, потому что «*Гоголь болтался в мешанине польского и русского слова*»⁴⁷. В характеристиках языка Гоголя Ремизов очень близок со своим собратом по символизму А. Белым, писавшим о смешении пластов украинского и великоросского, о стилизованных приметах «провинциально-чиновничьего и мелкопоместного говорю» и «высокопарные канцелярского слога»⁴⁸.

Философия сновидения Ремизова – самое яркое подтверждение продолжения традиции Гоголя как во внешнем совпадении творческих приемов и установок, так и во влиянии магии «обморачивающего» гоголевского стиля. В литературе XX века нет равных Ремизову по количеству гипнологических текстов: сны записывались им в дневниках, включались впоследствии в автобиографические книги, сны издавались отдельными сборниками («Бедовая доля» (1909) и «Мартын Задека. Сонник» (1954)). Подобно Гоголю, он воспринимал историческую реальность как сновидение, а его сны обладают такой степенью материальности, что сливаются и соревнуются с реальностью в своей абсурдности. В мифе о Гоголе-сновидце Ремизов рисует творческую судьбу предшественника как ряд многоступенчатых снов: «Гоголь в каждом своем сне воплощается в человека и венец его воплощений: Павел Иванович Чичиков – край человеческого его нечеловеческой природы»⁴⁹.

---

⁴³ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 120.

⁴⁴ Там же. С. 151.

⁴⁵ Там же. С. 149.

⁴⁶ Там же. С. 135.

⁴⁷ Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 212.

⁴⁸ Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. – М.: МАЛП, 1996.

⁴⁹ Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. С. 109.

